

Зеркало

Хитроу

Самолёт на Лондон задержали на пять часов из-за технических неполадок. В Хитроу мы должны были пересесть на электричку и доехать до Манчестера, а потом и до Ланкастера. Из-за задержки мы уже никуда не успевали и решили заночевать в какой-нибудь гостинице поблизости. На стоянке такси было пусто. Не прошло и двадцати минут, как подрулил настоящий чёрнобокий лондонский кэб, которым управлял игрок футбольной команды "Манчестер Юнайтед" Вэйн Руни. То есть это был конечно же не Вэйн собственной персоной, а некто удивительно на него похожий всем, включая несравненной интеллигентности лицо и неуступчивый взгляд из-под светло-рыжих насупленных бровей. Водитель использовал для коммуникации язык лондонских окраин. Из таксиста лились звуки, обычно издаваемые при полоскании горла. По окончании звуковыделения он сделал паузу и вопросительно уставился на нас. "Йес, сэр!" - ответил я, ещё до конца не пережив последствия изрядной дозы алкоголя за счёт национальной компании авиаперевозок. Водитель, очевидно, не понял моего английского, и продолжал настойчиво урчать. Спутница выловила "тен паундс" - десять фунтов - из этого нескончаемого потока сливаемой воды, и сказала: "Ноу, сэр", для меня добавила: "Фраеров нашёл!" и дала отмашку дирижёрской палочкой. Партия драматического тенора "Только по счётчику!" была исполнена три раза на бис, пока водитель не понял, а поняв, сразу же включил счётчик, и повёз нас в темноту. Кроме волков весь антураж детских рассказов-страшилок был предьявлен и прочувствован. Мы ехали добрый час среди чёрного леса, под чёрным небом, в чёрной машине, и водителем одетым во всё чёрное. "Неужели самая близкая к аэропорту гостиница находится в часе езды?" - думали мы. Когда кэб причалил к тёмному зданию отеля, на счётчике высветилось 9,95 фунтов. "Кое-что удалось сэкономить," - обрадовался я. "Стоило бороться за то, чтобы он включил счётчик". Убаюкиваемые этой сладкой мыслью, мы поднялись в номер и моментально уснули. Проснувшись на следующее утро мы увидели главное здание аэропорта в пятистах метрах от гостиницы. "Зато посмотрели ночной Лондон," - утешил я Спутницу.

Гарик

В Ланкастере нас должен был встречать мой коллега и приятель Гарик. Гарик был батумским армянином, окончил Одесский институт связи, после чего переехал в Ереван, где удачно женился на дочери одного местного начальника. В смутные послеперестроечные времена, в уже независимой Армении, его тесть стал министром, и принял активное участие в анти-коррупционной кампании, приведшей к тому, что изрядная часть уважаемых людей переселилась на нары Ереванской тюрьмы. На следующих выборах оппозиционные армянские политики под лозунгами борьбы с коррупцией отвоевали потерянные позиции, пришли к власти, и выпустили из тюрьмы всех, кого Гариков тесть туда засадил, как невинно репрессированных по политическим мотивам. Тесть, вместе со своими политическими единомышленниками, соответственно был обвинён в коррупции, и занял одно из освободившихся мест на нарах. Там он скоротал время до следующих выборов, когда под лозунгом борьбы с коррупцией ... и т.д. Гарик замечательно жил в период власти прогрессивных, в его понимании, сил, но, когда реакция брала верх, ему ко всем неприятностям ещё приходилось дважды в неделю носить передачи в местное пенитенциарное учреждение, и выслушивать занудливые сентенции тестя о преимуществах собственного шестикомнатного дома с бассейном по сравнению с одной комнатой, населённой шестнадцатью человеками. Гарик решил больше не зависеть от синусоиды политической удачи тестя, и попав в программу обмена учёными с Англией, поехал за Альбионским туманом. Там он попал в Ланкастерский университет на севере Англии, где и работал под руководством человека по имени Бахрам, иранца, покинувшего родину сразу же после падения шаха. С Бахрамом Гарик прекрасно поладил, они оба чувствовали себя жертвами политических репрессий и любили обсудить, как они успели

буквально в последнюю секунду выскочить из окна несущегося под откос поезда. Гарик серьёзно отнёсся к совместной работе с Бахрамом, после его приезда список публикаций Бахрама стал быстро расти, и Гарик, после окончания гранта, был оставлен на кафедре в должности инженера-исследователя.

С Бахрамом я встретился уже в университете. На мне были Гариковы белая рубашка с галстуком, так как выяснилось, что моё появление на университетском семинаре в футболке, как я планировал, могло привести к падению монархии. Гарик поймал меня в таком непотребном виде при выходе из дома, долго причитал по поводу моей бесчувственности и неуважении к вековым обычаям. Сообщил, что и не за такое людей в тюрьму сажают, а если мне так уж приспичит совершить что-либо по настоящему достойное исправительного заведения, то уж лучше спланировать ограбление банка или, на худой конец, дома какого-нибудь миллионера. Пришлось торжественно пообещать Гарику, что без него я ничего такого затевать не стану, и если что стоящее подвернётся, то поделимся с ним поровну. Гарик смягчился, открыл шкаф, и из ровной горки совершенно одинаковых белых рубашек после долгих размышлений выбрал одну. Гарикова рубашка была мне велика, галстук начинался в районе солнечного сплетения, грудь хорошо просматривалась, и могла служить иллюстрацией пользы занятий спортивными упражнениями, а то вот будет также, как с дядей, посмотрите, если не страшно конечно. Посмотреть, а заодно и послушать, собрались десяток кафедральных аспирантов и несколько преподавателей. Все были в точно таких же, как на мне, белых рубашках с галстуком, но без декольте. После семинара Бахрам показал мне факультетские лаборатории, особенно гордясь огромной пятнадцатиметровой антенной, режущей над зданием такой же высоты. Я с интересом рассматривал это творение человеческого гения, и, если бы не знал от Гарики, что эта антенна ни к чему не присоединена, была куплена по случаю, чтобы не ушли в государственный бюджет какие-то неизрасходованные деньги, то моему восторгу не было бы предела. А так я восхищался в пределах, доступной мне в силу воспитания, вежливости и демонстрировал эрудицию, сравнивая лёгкую и изящную конструкцию с архитектурными изысками Калатравы.

Бахрам и Гарик гостили у нас в Израиле за год до этого. С датами их визита произошла накладка. В это же время у нас жили два математика из Воронежа, Игорь и Марк. Мы разрывались, стараясь не обидеть ни тех, ни других, это требовало больших затрат энергии и времени. К тому же Игорь и Марк постоянно ссорились, и время от времени не разговаривали друг с другом.

Игорь

Трудно себе представить две более противоположные личности, чем Игорь и Марк. Игоря пригласили в наш университет на две недели для совместных исследований по, так называемому, вэйвлет-преобразованию. Теория этого преобразования только начинала разрабатываться, и направление считалось очень перспективным. Игорь приезжал в университет работать со своей коллегой, женщиной в годах, хотя и не утратившей признаков былой красоты, известного интереса к жизни и любопытства к некоторым её проявлениям. В то же время оказалось, что когда Игоря проектировали, то забыли предусмотреть тормоза. У него случались моменты, когда речь переставала проходить обработку в мозгу и бесконтрольно выплёскивалась наружу в виде полуфабриката. Эти моменты странным образом случались, когда Игорю на глаза попадались существа женского пола. "Нира," - вдруг останавливался он посреди обсуждения подходов к оценке стабильности вэйвлет-преобразования. "Вы должны понять, что я воспринимаю математику через секс. И с этим ничего нельзя поделать." Любой другой на его месте сразу же был бы изгнан, или получил бы по морде, или был бы арестован университетским летучим отрядом хранителей женской чести и достоинства. Игорь же никогда не получал по морде. Он был столь искренен в своих диких проявлениях, что большинство объектов его воздыханий раздражались после его авансов гомерическим хохотом, не без некоторого потаённого кокетства и удовольствия, которое испытывает любая женщина, получившая

комплимент, сделанный не из вежливости, а от чистого сердца. Игорь же несло по морю израильской жизни, как лодку, бросаемую волнами в совершенно непредсказуемых направлениях. Спутница, однажды проснувшись ночью, увидела свет в салоне, где и застала Игоря, сидящего с гитарой перед снятой и положенной на журнальный столик телефонной трубкой. Игорь самозабвенно пел "Солнышко лесное, где, в каких краях, встретимся с тобою?" Закончив петь, он замурлыкал в трубку: "Понимаешь, я полёты в самолётах воспринимаю через секс". Было слышно, что с другой стороны линии кто-то мелко захихикал. "Кто-то" была стюардессой, с которой Игорь познакомился во время полёта в Израиль. Чтобы отвлечь Игоря от навязчивых переживаний, я развлекал его рассказами из ближневосточной действительности. Так, я рассказал, что приставка "Абу" перед именем арабского мужчины означает отец, а дальше следует имя, как правило старшего, сына. Например, сына Абу Мазена зовут Мазен. Если же сына нет, то по прежнему надо использовать "Абу", но уже с каким-нибудь очень любимым явлением или предметом. Поэтому, объяснял я, столь популярными стали имена типа Абу Джихад. Игорь долго размышлял, наконец решился и попросил называть его Абу Оду. "Что такое Оду?" - спросили мы. "Обыкновенные дифференциальные уравнения," - ответил Игорь без улыбки. Когда Игорь уезжал из Израиля, наш телефон разрывался от звонков расстроенных поклонниц. Одна замужняя преподавательница английского языка, с которой Игорь познакомился в кампусе университета, даже дожидалась Игоря возле подъезда, чтобы отвезти его в аэропорт. Вышедшему из дома Игорю она бросилась на шею, и голосом капризной обиженной девочки ему что-то втолковывала, заламывая руки и время от времени впиваясь в Игорев подбородок бледными тонкими губами.

Через три дня после отъезда, позвонила подруга Спутницы из Воронежа и сообщила, что Игорь до Воронежа не доехал, и все в панике, так как никаких известий от него нет. Спутница применила дедукцию, срочно заказала распечатку списка звонков, сделанных с нашего телефона за день до отъезда гостей, и по одному из номеров обнаружила Игоря, который "воспринимал через секс" российскую столицу. На следующий день он был уже в Воронеже, где и поведал, что при порверке в аэропорту Бен-Гурион назвался "Абу Оду", но объяснить после этого не успел, так как немедленно был брошен в камеру пыток, где его три дня и три ночи непрерывно, не давая есть и пить, допрашивали садисты-маньяки из израильской службы общей безопасности ШАБАК. Он держался молодцом, никого не выдал, и только удачно подвернувшийся обмен на западного шпиона, мотавшего двадцатилетний срок в российской тюрьме, позволил ему вернуться со столь малым опозданием. Весь Воронеж после этого несколько дней только и говорил что о подвиге разведчика.

Марк

Если у Игоря отсутствовали тормоза, то у Марка отсутствовала педаль газа. Марк был перманентным патриотом, но то, патриотом чего он является, менялось с калейдоскопической скоростью. Бывало утром у Марка появлялась в голове хорошо продуманная программа преобразования России под его духовным руководством, а уже к вечеру у него созревал чёткий план переезда в Израиль, где опять-таки всё должно было крутиться не без его участия. Как две эти разумные программы сочетались одна с другой, хотя бы во времени, было непонятно, оставалось предполагать, что Марк своим существованием доказывает теорию множественности вселенных, и в одной из них станет демократически избранным, просвещённым диктатором, а в другой - тоже демократически избранным и тоже просвещённым пока-непонятно-кем-приехал-разобраться. Людей, которые не разделяли гложущего его в данный момент патриотизма, Марк презирал. В принципе своей любви к России он был готов объединяться с самыми чёрными антисемитами. В пароксизмах своей любви к Израилю он был готов идти вместе с самыми страшными ненавистниками всего русского. Переключение из одного режима в другой происходило моментально, и не вызывало никаких душевных метаний. В Воронеже он активно занимался общественной деятельностью, был большим демократом, не пропускал ни одного митинга и даже куда-то баллотировался. В то же время он писал пьесы, как

правило, на еврейские темы. Незадолго до приезда, Марк написал опус о героических защитниках Массады. В этой пьесе, зелоты, окопавшиеся на вершине Массады отражали дружные атаки римлян. В описании Массад удивительно напоминала воронежский Проспект Революции. Зелотами руководил Бен Яир, бывший, в отличие от традиционных представлений не смугл и бородат, а немного полноватым, рыжим и гладковыбритым. Любой знакомый с Марком читатель мог безошибочно определить, на кого похож главный герой. Бен Яир видел свою основную цель в введении демократических норм во все аспекты массадской жизни. Ему противостояли местные ретрограды, требовавшие вернуться к застойным способам распределения. В отличие от защитников Массад, римляне обладали всеми возможными карикатурными еврейскими признаками. Главный римский полководец выглядел и разговаривал, как Жириновский, а римские воины занимались в основном перепродажей друг другу и врагам военного снаряжения, строчили доносы, непрерывно пересчитывали деньги, свои и чужие, и в разговоре размахивали руками. Предсмертный монолог Бен Яира начинался словами: "Я умираю, но уже подрастают другие, которые придут после меня..." Марка спасало от кризиса, связанного с раздвоением личности то, что он был очень хорошим математиком, и в тяжёлые минуты мог найти успокоение в размышлениях, не требующих занятия какой-то радикальной позиции.

Массادا

Желая показать Марку Массаду, так красочно им описанную, я предложил английско-воронежскому квартету поехать на Мёртвое Море. Вечером дня перед днём экскурсии, мы со Спутницей славно погуляли на дне рождения. Утро началось с "Даже и не думай, я тебя предупреждала". Спутница была немилосердной, хотя мой вид, по моим представлениям, должен был вызвать жалость даже у самых циничных и нечувствительных к человеческим страданиям мучителей животных. Спутница же испытывала садистское наслаждение от зрелища моих мучений, доказывающих её правоту - говорила же, что не надо открывать эту, ставшую лишней, бутылку водки. Я внутренне был с ней согласен в этом, да - открывать было не надо, да - лишняя, но где сострадание к оступившемуся? где понимание? где возможность пообещать исправиться? Несмотря на мои протесты, я был грубо брошен на переднее сиденье автомобиля. "Мы теряем его," - кричала сердобольная медсестра у меня в голове, в ожидании, когда бип-бип-бип перейдёт в протяжный б-и-и-и-п и линия кардиограммы вытянется вдоль прямой. В какой-то момент я приоткрыл глаза и увидел перед собой двух белых ангелов. Ангелы садились в нашу машину на заднее сиденье. "Подбросить до входа в ад?" - спросил я. "Мы же на Мёртвое Море собирались?" - сказал один из ангелов голосом Гарика. Я окончательно проснулся. За мной сидели Гарик и Бахрам, в белых рубашках и галстуках. Машины, а мы уговорили наших друзей присоединиться со своей машиной, мчали к самому низкому месту на земном шаре детей разных народов и мою головную боль. У Массад я стал приходить в себя. Все с интересом рассматривали последний оплот еврейского сопротивления римским захватчикам. Марк явно скучал. У него был приступ любви к России, и он сообщил, что будучи интернационалистом, не может позволить себе восхваление бездумного вооружённого выступления сепаратистски настроенных выродков-националистов. "У меня сегодня могут быть слуховые галлюцинации," - сказал я. "Это мне послышалось, что ты сказал "черножопых"?" Марк отыграл назад, и начал занудливо объяснять, что в истории Массад его интересует ситуация, в которой столь явно проявились все проблемы, характерные для раннего периода построения демократического общества. Боясь возобновления головной боли, я не решился задавать Марку дополнительные вопросы, и покорно согласился с его тезисом - если бы не было Бен Яира, - не было бы Ельцина. Потом мы плавали в море (Гарик и Бахрам ослабили галстуки), выпили пива (Гарик и Бахрам ещё больше расслабили галстуки и выпили по две кружки), и я почувствовал, что жизнь снова пульсирует в клеточках моего тела, и может быть это была и не такая плохая идея поехать на Мёртвое Море. На обратном пути особых приключений не было, если не считать, что лопнула шина, и Гарик с Бахрамом, благородно освободив меня по состоянию здоровья от повинности, сняв галстуки, всё поправили. Такая картина, знаете ли, пустыня,

завывает горячий ветер - хамсин, температура под сорок, и два человека в белых рубашках меняют колесо. Господи, ну почему ты не захотел, чтобы я стал художником?

Бахрам

Гарик и Бахрам пробыли в Израиле ещё несколько дней. Бахрам попросил оставить ему один день для самостоятельных передвижений по стране. "Мне надо съездить в Бахайский храм в Хайфе," - сказал он. "Это связано с моей семьёй," - сказал Бахрам. Вот что он рассказал.

"Моя семья имеет очень древнюю историю, которую можно проследить до средних веков. Из великих людей, которых мы причисляем к нашим прямым предкам, я назову, например, Абу Мусу Джабира ибн Хайана, больше известного под своим латинизированным именем Гибер, который жил в восьмом веке в Персии. Вы наверняка читали о нём у Коуэльо. Он служил при дворе Калифа Гаруна-аль-Рашида, для которого написал книгу "*Китаб аль-Зухра*" - "Книгу Венеры", посвящённую благородному искусству *аль-хими*. Он был настоящим учёным, то, что сейчас бы назвали химиком-экспериментатором, но не чурался и математики с астрономией. Его исследования были посвящены в основном так называемому *таквину* - искусственному созданию жизни в лаборатории - так в "Книге камней" он дал несколько рецептов производства в лаборатории скорпионов, змей и людей. Гибер также искал *аль-иксир* - жидкость, вызывающую магические превращения, то, что впоследствии было названо в Европе "философским камнем". Наблюдая за звёздами, Гибер изучал зависимость магических свойств эликсира от времени суток и взаимного расположения светил. К сожалению, большая часть его умозаключений и рецептов, хотя и сохранилась, была зашифрована специальным образом. Недаром в английском, для обозначения чего-либо совершенно непонятного, используется выражение "гибериш", от имени Гибер. Так вот, в нашей семье сохранилось несколько свитков, передаваемых из поколения в поколение, по легенде написанных Гибером и по-видимому содержащих рецепты эликсиров и мазей, предназначенных для нанесения на различные предметы с целью придания им магических свойств. Я недавно получил письмо от некоего господина, иранца по происхождению, который хотел бы обсудить возможность покупки этих рукописей. Оказалось, что этот господин - последователь бахаизма, и часто и подолгу живёт в Хайфе. Я конечно продавать рукописи не собираюсь, но попытаться разузнать, зачем они ему понадобились, а заодно и Бахайский храм посмотрю."

Бахрам возвратился из Хайфы очень раздосадованным. Все мои попытки узнать у него, что произошло, ни к чему не привели. Бахрам переводил разговор на другие темы.

Варшамов

Но вернемся в Ланкастер. После удачно проведённого семинара в университете, мы отправились на север, в Озёрный Край, где в городке Эмблсайд должна была состояться конференция по теории связи, которую организовал Бахрам. Место необычайной красоты, разлив зелени на холмах, окружающих озёра, и отражающихся в них. На каждой такой конференции бывает "свадебный генерал" - знаменитый учёный, которому предоставляется возможность сделать пленарный доклад. На этой конференции генералом был Ром Рубенович Варшамов из Еревана. Варшамов в 50-60-х годах написал несколько небольших, по две-три странички, статей, перевернувших представления о методах, которые нужно использовать при защите информации от ошибок. Не было книги по теории кодирования, в которой имя Варшамова не упоминалось бы на одной из первых страниц. Ром Рубенович был академиком Академии Наук Армении и членом-корреспондентом советской Академии. Он был уже изрядно стар, не говорил ни на каких иностранных языках, и нуждался в постоянной опеке, которую ему обеспечивал в этой поездке Гарик. Ром Рубенович везде появлялся в тяжёлом пальто и шляпе, которую он иногда, если не забывал, снимал в помещении. Прежде чем начинать говорить, всегда

внимательно рассматривал всех через сильно увеличивающие глаза плюсовые линзы очков. В юном возрасте Варшамов был большим проказником. Рано перестав заниматься научными исследованиями, Ром Рубенович начал наслаждаться жизнью по полной программе, завёл две семьи, одну в Москве и одну в Ереване, но и этим себя не ограничивал. В Эмблсайде он выглядел не очень здоровым, плохо слышал - всё время переспрашивал, и хотел всё время говорить. Через год он умер.

Был вечер и мы уже собирались ложиться спать. В дверь постучали, на пороге стоял Гарик. "Спасай,"- сказал он, - "Только ты можешь помочь. Завтра с утра пленарный доклад Варшамова, я должен был переводить, но меня срочно вызвали на замену в Ланкастер." Следующим утром я стоял перед заполненным залом, в белой рубашке и галстуке, рядом с Варшамовым, который был в пальто и шляпе. Варшамов молчал и не обращал внимания на замершую в ожидании публику. Через пять минут он снял шляпу. "Сейчас начнёт," - решила публика. Варшамов помолчал ещё немного и начал растёгивать пальто. Я испугался, что он сейчас начнёт раздеваться, и громко сказал по-английски: "Доклад профессора Варшамова", и артистически выбросив руку в направлении Ром Рубеновича, победоносно оглядел аудиторию. Раздался шквал аплодисментов, немного приведший оратора в чувство. Медленным запинаящимся голосом он начал объяснять, что-то записывая на доске. Формулы были видны только мне, поэтому я считал себя обязанным зачитывать их вслух. Ром Рубенович решил, что это я подробно комментирую то, что он делает, остановился, осмотрел меня с ног до головы, скорей всего узнал, и сказал: "Слушай, давай я буду писать на доске, а ты уж рассказывай". С помощью зала мы как-то справились с расшифровкой. Прошёл час, доклад уже должен был подходить к концу, а Ром Рубенович до сих пор ещё возился с определениями. Председатель, сидевший в первом ряду, делал мне знаки, что мол надо закругляться. Варшамов, увидев это, спросил, сколько времени осталось. Председатель сказал: "Ван минит", и, оценив возможность непонимания, показал Варшамову один палец. "Час ещё просят рассказывать?" - спросил у меня Ром Рубенович. С большим трудом я смог объяснить ему ситуацию. Тогда Варшамов вышел на середину сцены, и вдруг громко и внятно сказал: "Я думал над этой задачей последние двадцать лет. Сегодня я делаю последний в жизни доклад. Писать статью на эту тему я уже не буду, поэтому я дарю её вам!" Он вытянул перед собой две руки ладонями вверх и замер. Так как это было произнесено по русски, зал безмолвствовал. Варшамов ожидал оваций, а стояла мёртвая тишина. Надо было спасать ситуацию. Я выскочил на авансцену и в первом лице громко прокричал: "Это мой последний доклад. Я дарю эти результаты человечеству!" И, также как Варшамов, протянул руки залу. Мы стояли рядом перед сходящей с ума от восторга рукоплещущей публикой. Я почему-то не опускал руки, но и Варшамов застыл в позе памятника. Так мы и стояли несколько минут. Потом было ещё несколько вопросов, которые я перевёл. Один вопрос был задан по-русски, и я стоял в ожидании ответа Ром Рубеныча. Он посмотрел на меня непонимающе и дал команду: "Переводи!" После доклада ко мне подошёл один англичанин. Посмотрев на баджик с именем и названием страны, он рассыпался в комплиментах: "Ты замечательно переводил. Где ты так смог выучить..." Ожидая окончания фразы "английский" я поощрительно и благодарно заулыбался. Англичанин продолжил: "Где ты так смог выучить русский?"

Конференция подошла к концу, Гарик нас провожал на вокзале. Мы обсуждали планы для будущей совместной работы. Гарик связался с одной английской фирмой, работающей в области связи, которая заинтересовалась моими работами. Для переговоров нужно было приехать в Лондон через месяц, где мы и договорились встретиться. Я напомнил Гарику о нашей договорённости делиться всеми плодами совместных операций поровну.

Дэвид

Следующей нашей остановкой был Варвик, где находится один из лучших английских университетов, и где Спутница договорилась сделать доклад. Её пригласил местный профессор математики по имени Дэвид. Дэвида Спутница знала давно. Она познакомилась

с ним на Воронежской зимней математической школе, - была такая ежегодная тематическая конференция, на которую съезжались специалисты в её области. Дэвид, приехавший поработать с Игорем и Марком, тоже появился на школе. Он чувствовал себя совершенно потерянным, и так как никто вокруг не разговаривал на английском, испытывал страшный дефицит общения. Спутница смогла избавить его от страданий, связанных с негостеприимной языковой средой, и он проникся к ней благодарностью. Когда он узнал, что мы будем в Англии, он настоял на том, чтобы мы заехали. Спутница связалась с ним из Ланкастера и попросила заказать номер в гостинице. Дэвид настаивал на том, чтобы мы остановились у него. "Ты же знаешь, что я этого терпеть не могу. В этих английских домах особенно не развернёшься, и придётся мучаться самим и мучать хозяев," - укорял я Спутницу. "Уже ничего нельзя сделать. Он так настаивал, что отказ прозвучал бы как оскорбление," - отвечала Спутница.

Дэвид встречал нас на станции. Когда я увидел его машину, я подумал, что наверное стоило настаивать на гостинице. Машина была бальзаковского возраста. Если бы Дэвиду пришла в голову мысль её протестировать, то список неисправностей в точности совпал бы со списком комплектующих деталей. Машина издавала душераздирающие звуки, вызывающие острую ностальгию по любимым за благозвучие мелодиям: железом по стеклу и несмазанной дверной петлей туда-сюда. Несмотря на это машина, хоть и подскакивая, резво неслась по дороге. Дэвид демонстрировал чудеса эквилибристики, левой рукой он время от времени давал через открытое окно тычка боковому зеркалу, которое всё норовило прокрутиться и повернуться к водителю тыловой частью, правой же он заталкивал в потолок постоянно выпадающую оттуда лампочку, которая иначе повисала на проводке маятником перед носом шофёра. Дэвиду не хватало по меньшей мере одной руки, а так как машина была с ручной передачей, то, пожалуй, и двух. Этот недостаток Дэвид компенсировал полным презрением к правилам дорожного движения, два раза проехал на красный свет и один раз под знак "Стоп". Мы выехали на площадь городка с поэтическим названием "Ройял Спа" - "Королевские Купальни", и затормозили около дворца, напоминающего своей архитектурой уменьшенную копию Зимнего Дворца. "Едем домой," - простонала Спутница, почти потерявшая надежду доехать живой - "Никаких экскурсий, пожалуйста". Это была даже не просьба, это была мольба. Дэвид вышел из машины, галантно открыл дверь со стороны Спутницы, и сообщил, что мы приехали. Мы удивлённо тарасились по сторонам, пытаюсь обнаружить какое-либо строение пригодное для жилья. Дэвид, подхватив наш чемодан, уверенно направился ко входу во дворец, открыл дверь ключом и исчез внутри. "Сейчас раздастся сирена, и подъедут несколько полицейских машин с мигалками," - попытался я предугадать близкое будущее. Оказалось, что я неважный предсказатель, из дверей показалась голова Дэвида, он приглашающе нам замахал, и мы вошли. Нас встречала у входа жена Дэвида, Сью, которая также работала в университете, на юридическом факультете, и была специалистом в аспектах права, связанного с сельскохозяйственными контрактами. Сью проводила нас на второй этаж, на который мы долго карабкались по скрипучей лестнице. Коридор второго этажа казался бесконечным, особенно впечатляла вереница портретов вывешенных на стене. К счастью, первая же дверь вела в предназначенную нам комнату. Комната просто потрясла своими размерами, на её площади можно было бы без труда разместить теннисный корт или баскетбольную площадку. Комната была практически пуста, в ней плотно задвинутые к двери стояли кровать и стол со стульями. Хозяйка взяла один из стульев, поставила его в полутора метрах от кровати и сказала: "За стул заходить нельзя. Мы ждём вас на ужин в восемь." И без объяснений удалилась.

Я долго колебался, не зайти ли за стул. Пространство, открывающееся за ним манило загадочностью и запретностью. В восемь ровно, а это мы узнали по громкому бою часов, одетые в лучшее, мы спустились по лестнице на первый этаж. Как ни странно, мы были усажены на кухне, и нам были предложены весьма скромные фиш-энд-чипс. Хозяйка сэкономила на свете, поэтому попасть в ломтик жареной картошки, освещённый мутной лампочкой, подвешенной на высоте около шести метров, представлялось непростой задачей. За ужином Дэвид объяснил, что этот дворец 17-го века достался ему по

наследству, он охраняется государством. Для того, чтобы поддерживать его в порядке, требуются существенно большие средства. А тех, что они со Сью зарабатывают вдвоём в университете едва хватает на фасад. Поэтому внутри дома они пользуются только несколькими комнатами, в том числе и той, в которой мы разместились. К сожалению там уже давно проваливается пол, и наступать на него где бы то ни было, кроме самой ближайшей зоны возле двери, смертельно опасно.

"А теперь - чай," - торжественно провозгласила хозяйка. Она поставила на поднос чайник китайского фарфора, четыре изящные чашечки и сахарницу. С этим подносом она остановилась у входа в коридор. Дэвид, ловко вытащил из-под стола подсвечник с тремя свечами, зажёл их, и встал за Сью. Решив, что мы поняли правила игры, мы выстроились гуськом за хозяевами, и двинулись по коридору. Коридор был очень длинный. Мы шли по скрипучему полу, в отсветах пламени свечей, сопровождаемые тенями, принимавшими самые причудливые формы и размеры. Вдоль стен, коридор был уставлен полуразвалившейся антикварной мебелью: трёхногие стулья-инвалиды, напольные часы без стрелок, протёртые канапе, салютовали процессии идущих пить чай. Чайная комната была небольшой и уютной, с огромным камином, украшенным дельфтской плиткой. Усталость брала своё и скоро мы ушли спать.

Питер

Доклад Спутницы был назначен на послеобеденное время, поэтому утром завтрак был нам подан в саду. К нам присоединился Питер, сын хозяев, который учился в Оксфорде на философском факультете. Пока Спутница беседовала с Дэвидом о математике, Сью хлопотала по хозяйству, мы с Питером устроились в сторонке на креслах-качалках, и я расспрашивал его о его научной работе.

Темой Питерова исследования был Роджер Бэкон - средневековый естествоиспытатель, тоже оксфорддец, и один из первых учёных-универсалов в истории Европы. Питер собрал все известные материалы и рыскал по библиотекам и книжным развалам всего мира в поисках новых неизвестных свидетельств о Бэконе. Он собирался писать книгу и был счастлив рассказать о результатах своих изысканий. Вот рассказ Питера.

"Родился Роджер Бэкон между 1210 и 1214 гг. недалеко от Илчестера в графстве Долчестер, в Англии. Начиная с тринадцати лет учился в Оксфорде. Как сын состоятельных родителей, по обычаям того времени он продолжил обучение в Париже. Потом вернулся в Оксфорд, в то же время вступил в монашеский орден францисканцев, и преподавал там до 1257 г. на факультете «свободных искусств». Человек неуживчивый, склонный ко всякого рода новациям, он не пользовался любовью братьев по ордену, но ему улыбнулась фортуна: в 1265 г. его покровитель Ги Фулк стал папой под именем Климента IV. В 1278 г. он был, однако, заключен в тюрьму, а его учение осуждено орденским генералом Иеронимом из Асколи за астрологические заблуждения.

Большинство его научных работ до сих пор не напечатаны, но и то, что известно сегодня, поражает воображение. Непостижимым образом он заглядывал на сотни лет вперед: предсказал изобретение микроскопа и телескопа, автомобиля и самолета, кораблей, приводимых в действие двигателями. За 200 лет до изобретения Бертольдом Шварцем пороха Бэкон описал состав и действие этого взрывчатого вещества. Кстати, появление в Европе очков – его рук дело. Ученому монаху было известно о существовании нескольких галактик, строении клетки и процессе образования эмбриона от слияния сперматозоида и яйцеклетки. А главное – он знал секрет какого-то источника энергии, по силе превосходящей атомную! Откуда все эти сведения у человека, жившего за три века до Джордано Бруно и Галилея и за семь столетий до современных научных открытий?

Бэкон много работал с рукописями, написанными на мусульманском Востоке. Так, говорят, он смог расшифровать зашифрованные тексты Гиберы, содержащие рецепты магических

эликсиров. Однако средневековое невежество подорвало репутацию Бэкона. Дело в том, что людям внушал страх его интерес к мусульманским текстам и математике. Народная молва приписывала мусульманам занятия колдовством, а математика вплоть до XVI в. считалась черной магией. При жизни Бэкон за свои опыты и интерес к нетрадиционной философии и алхимии получил прозвище Доктор Мирабилис (Удивительный учитель). После его смерти стремительно распространилась легенда о Бэконе-чародее.

Известно, что у Бэкона были какие-то неведомые ученым того времени инструменты. И среди них таинственное зеркало – вогнутое. Откуда оно взялось и что из себя представляло, загадка. По одной из версий, это зеркало Бэкон покрыл эликсиром, рецепт которого он смог узнать, найдя ключ к шифру рукописи Гибера. Будучи же великолепным математиком, он проник в секрет влияния расположения звёзд на магические свойства эликсира и научился вычислять оптимальные параметры для проведения опытов. В соответствующих условиях, зеркало позволяло Бэкону делать потрясающие открытия. Выбрав правильное время и место, в фокусе зеркала можно было сконцентрировать астральный свет огромной интенсивности, что при воздействии на человека, находящегося близко к точке концентрации, приводило к удивительным последствиям: он мог видеть будущее и без сопротивления проникать в секреты природы и общества. Так, Бэкон утверждал, что «увидел в вогнутом зеркале звезду, имеющую форму улитки. Она расположена между пупом Пегаса, бюстом Андромеды и головой Кассиопеи». Именно в этом месте через 4 века европейские ученые обнаружили первую внегалактическую туманность – туманность Андромеды...

А ещё говорили, что магическое зеркало, которое Бэкон использовал, он мог заселять душами умерших, что легко было проверить - горящая свеча гасла возле зеркала. Некоторые даже утверждали, что после смерти душа самого Бэкона переместилась в магическое зеркало, и только и ждёт, когда кто-то попытается его задействовать, чтобы вселиться в тело этого экспериментатора. Другие же говорили, что магическое зеркало может само воспринимать подспудные, может быть неосознаваемые, но зато самые сильные желания людей, и способствовать их исполнению.

Зеркало, конечно же, исчезло в исторических катаклизмах. Может оно до сих пор висит на стене у какой-нибудь модницы. Вряд ли оно подверглось старению и разрушению, эликсир должен был защитить его от тлена. Но многие учёные и охотники за сокровищами не оставляют надежды обнаружить неизвестные рукописи Бэкона и найти ключ к их расшифровке. Историю одной из таких рукописей я как раз недавно узнал. Герцог Нортумберлендский в царствование Генриха VIII разграбил множество монастырей. В одном из них он нашёл рукопись, которую его семья передала Джону Ди, рьяному собирателю древних рукописей, жившему в Праге. Ди вполне мог думать, что в неизданной и зашифрованной рукописи Роджера Бэкона могут содержаться удивительные тайны. Сын Ди упоминает о «книге с непонятным текстом, который отец тщетно пытался расшифровать». Ди подарил эту рукопись императору Рудольфу. После многих приключений рукопись попала в руки книготорговца Ганса П. Крауса в Нью-Йорке и в 1962 году была выставлена на продажу за скромную сумму в 160000 долларов, что не так уж много, если в книге заключены все тайны мира.

Ходят ещё слухи, что основатель бахаизма, Бахаулла, был хорошо знаком с некоторыми рукописями средневековых магов, в том числе и Бэкона, и его последователи собирают и изучают эти документы. Вроде бы в Бахайском храме в Хайфе имеется даже специальное хранилище для свитков. Но я не очень в это верю."

Мы помолчали. "Наверное было бы интересно посмотреть на Роджера Бэкона," - сказал я после долгой паузы. "Известно ли что либо о том, как он выглядел?" Питер задумался. "Есть только косвенные свидетельства. Обычно становится известно только о каких-то из ряда вон выходящих приметах. Как например серебряный нос Тихо Браге. Настоящий то ему отстрелили на дуэли, возникшей в результате спора из-за

геометрической теоремы. По поводу внешности Бэкона известно только, что как-то во время алхимического эксперимента произошёл взрыв, и у него на правой щеке образовался шрам. Есть ещё одно интересное открытие, которое я сделал и очень горжусь этим. В 1292 году Бэкон был на свободе, и работал над сочинением *Compendium studii theologie*, которое известно в отрывках и, видимо, так и не было закончено. Судя по всему, Бэкон умер в этом году. Станным является то, что часть более поздних отрывков написана левой рукой, хотя Бэкон был правшён. Это даёт основание предполагать, что Бэкон пережил инсульт, который привёл к параличу правой части тела, и, видимо, послужил причиной его смерти.

Вечер в Ройял Спа

Уже пора было отправляться в университет. Я распрощался с Питером, и, после ещё одного экстремального, но на этот раз более короткого, путешествия на машине Дэвида, мы добрались до университета. Спутница с Дэвидом (в белой рубашке и галстук) отправились на семинар, а я устроился в кофейной комнате для преподавателей. На стене комнаты висела огромная карта мира, ещё старая, с большим красным пятном, обозначающим СССР. Во всю ширину Сибири на карте сияла надпись "Красноярский Край". Первая "К" своей несообразной толщины ножкой покрывала когда то родную Пермь и превращала этот город в призрак. От нечего делать, я перелистал местную газету, которую нашёл на журнальном столике. Внимание моё привлекла заметка в разделе криминальной хроники. В ней сообщалось, что в гостинице "Роуз энд Гарлик", находящейся на окраине Ройял Спа, в одной из комнат было обнаружено бездыханное тело человека, скончавшегося, по-видимому, от естественных причин. Человек оказался бизнесменом иранского происхождения, который уже больше двадцати лет жил в Англии. Полиция просила помочь в получении любой информации, связанной с причинами его пребывания в Ройял Спа. Ещё сообщалось, что в его комнате были найдены несколько книг, связанных с бахаизмом.

После доклада мы, захватив Сью, поехали пить пиво. После недолгой поездки, мы выехали на окраину городка, где в окружении покосившихся домишек и небольшой гостиницы, которую мы обогнули сзади, стояло огромное четырёхэтажное здание красного кирпича. Некоторые окна были выбиты, из них валил густой ароматный пар. В сумерках здание напоминало огромного дракона, прикорнувшего на холме, сопящего во сне, и выдыхающего во все стороны дым. Прямо под пивзаводом (не уверен, что это правильное название для этого монстра), находился паб, куда мы и зашли. Любите ли вы пиво, как люблю его я? Если да, то вашей зависти не должно быть предела. Этот эль, а пили мы эль, был необыкновенной свежести и ароматности. Боюсь, что попытавшись передать словами свои ощущения, я сам себе их испорчу. Поэтому воздержусь, в надежде, что вы мне верите. Когда мы садились за стол, Дэвид попросился сесть слева, к стене. Объяснял он это тем, что в студенческие времена увлекался боксом, имел неплохой удар правой, и мог бы побеждать, если бы не проблема с левой рукой, - он не только не мог сильно и точно ударить слева, но и постоянно пропускал слева удары противника. С боксом пришлось распрощаться, но у него выработалась привычка садиться за стол всегда так, чтобы он мог себя защитить. Мы вспоминали общих знакомых, среди них Игоря и Марка, которые, как оказалось, в ближайшее время должны были приехать к Дэвиду по исследовательскому гранту какого-то российского научного фонда.

Когда мы вышли из паба, небо было совершенно чистым. Над горизонтом стояла полная луна, а созвездия, рассыпанные щедрой рукой над нашими головами, образовывали странный рисунок, напоминающий восточную вязь. Недалеко от машины темнела какая-то куча, оказавшаяся свалкой мусора. В основном это были какие-то старые тряпки и части разбитой мебели. Радостно закричав, ценители антиквариата Дэвид и Сью нырнули внутрь этого нагромождения. Через несколько минут раздался победный вопль - Дэвид вылез со свалки, держа в руках что-то странное, оказавшееся при ближайшем рассмотрении старинным зеркалом. Собственно, зеркалом в точном смысле слова это не

было, оно было покрыто таким слоем засохшей грязи, что увидеть в нём вряд ли что-либо было можно. Дэвид гордо поднял зеркало над головой. Он выглядел, как человек, которому только что вручили кубок за победу на чемпионате мира. Пока продолжались раскопки, погода резко переменилась, небо затянуло чёрными тучами, и Дэвида, державшего зеркало над головой сначала ослепила резкая вспышка молнии, а потом и оглушило сильным ударом грома. Мы почли за благо как можно быстрее ретироваться к машине. Когда мы отъезжали, я прочитал светящуюся в темноте вывеску отеля - "Роуз энд Гарлик". Видимо под воздействием паров алкоголя, я никак не мог вспомнить, где видел раньше это название. Мы мчались сквозь дождь. Дэвид подбадривал машину ударами левой и правой. Спутница мыслями уже была дома, куда мы должны были добраться к следующему вечеру, если конечно самолёт не задержат.

Зеркало было торжественно водружено в коридоре. Оказалось, что по английским традициям, сколько бы пива не было выпито, а всё равно положено перед сном пить чай. Опять были зажжены свечи и мы строем помаршировали к чайной комнате. Когда мы проходили мимо зеркала, по коридору пронёсся сквозняк, видимо от порыва ветра приоткрылось окно на кухне. У Дэвида были с собой спички, и он быстро зажёл погасшие свечи.

Через несколько месяцев

Через несколько месяцев Спутница поехала на конференцию в Четраро, на юге Италии. Вернулась расстроенной. Рассказала, что там был Дэвид, который, за то время, что она его не видела, сбросил по меньшей мере пять килограмм и выглядел совершенно больным. Сделал очень плохой доклад, всё время путался и был какой-то сам не свой. У него недавно гостили Игорь и Марк, жили в той же комнате, что и мы. Дэвид жаловался на Игоря, который во время своего приезда вместо занятий математикой всего себя посвятил воспеванию красоты университетских див разных возрастов, которые после его отъезда все перессорились и, почему-то все вместе обиделись на Дэвида. Беседу почти не поддерживал, только рассказал, что через три недели после нашего отъезда его дом обокрали. Воры почему-то не тронули драгоценности, находившиеся в доме, а унесли только зеркало, стоявшее в коридоре. Очень удивлялся, что оно кому-то могло понадобиться, ведь в нём и разглядеть что-либо толком было невозможно. Особенно исчезновение зеркала переживал Игорь, который сообщил, что для него это зеркало стало талисманом. Он заметил, что если сидеть возле зеркала, то сразу же в голову начинают приходить оригинальные математические идеи. Марк тоже сокрушался, хотя и не так эмоционально, как Игорь, но говорил, что около зеркала он придумал сюжеты для двух новых пьес. Они так были расстроены этим событием, что поменяли билеты на более ранний срок, и на следующий день уехали.

"Кстати," - сказала Спутница. "Дэвид привёз мне только что напечатанную брошюру с аннотациями докладов на семинарах в Университете Варвик за прошедший год. Мне её нужно будет показать начальству, когда буду отчитываться."
Я взял книжку со стола и начал листать.

"Смотри-ка," - сказал я. "Здесь и инженерные семинары есть. А вот и наш друг Бахрам присутствует. Везде поспел. Наверняка ещё и Гарика с собой приволок. Хотя Гарик, ты знаешь, с докладов Бахрама уходит, - предпочитает по городу погулять. Странно, мы с ним ведь встречались потом в Лондоне и постоянно по e-мэйлу общаемся, а он мне не говорил, что был в Варвике."

"Бахрам делал доклад через три недели после нашего отъезда?" - после небольшой паузы спросила Спутница.

Я сверился с датой и удивленно уставился на Спутницу: "Откуда ты знаешь?"

Много раз в жизни я задавал ей этот вопрос. И никогда не получал ответа. То ли Спутница охраняла от разоблачения своих информаторов, то ли считала, что раскрыв тайны устройства своего логического аппарата, она может превратиться в объект моих бессовестных манипуляций. На этот раз мне в ответ хотя бы досталась загадочная улыбка.

Эпилог

На следующем международном симпозиуме по теории информации, проходившем в Бостоне, в присутствии двух тысяч слушателей Бахрам сделал сенсационное сообщение о разработанном им новом математическом методе, позволившем закрыть одну давнюю проблему, описанную Шэнноном в его пионерской работе 1948-го года "Математическая теория связи" и считавшуюся неразрешимой. Бахрам был очень приветлив, но жаловался на то, что в последнее время у него были проблемы с зубами, из-за воспаления надкостницы пришлось прибегнуть к хирургическому вмешательству. Из-за этого у него и появился этот шрам на правой щеке (он взмахивал рукой возле лица, как будто делал надрез). Конференции в Озёрном Крае проводятся по-прежнему ежегодно, но в список приглашённых докладчиков я попадать перестал. Наверное Бахрам кому-то перепоручил его составление.

Дэвида я больше не встречал. Правда, за несколько месяцев до того, как лопнул хай-тековский пузырь, я прочитал в израильской экономической газете "Глобс", что одна английская компьютерная компания, занимающаяся математическим моделированием, была продана "Майкрософту". Основатели компании, имена которых не упоминались, сказочно разбогатели. На фотографии, иллюстрирующей заметку, человек, невероятно похожий на Дэвида, подписывал что-то с Биллом Гэйтсом. Но всё-таки, по-видимому, это был не Дэвид - человек на картинке держал ручку в левой руке.

Игорь, по слухам, ушёл из математики. Не без помощи опекающей его особы, преуспел в финансовых операциях, развёлся, живёт в своё удовольствие и постоянно меняет партнёров. Стал постоянным героем скандальной хроники, недавно попал в самолётную аварию, - "Сессна", в которой он летел жёстко приземлилась и перевернулась. Игорь отделался небольшой травмой правой ноги, но последствий избежать не удалось - он заметно прихрамывает.

Марк стал депутатом местной Думы по списку демократических сил. Его пьесы ставят в Москве. Недавно видел его интервью по телевизору. Говорил он медленно, и правый уголок рта был заметно опущен и не очень двигался. Боюсь, у него проблемы со здоровьем.

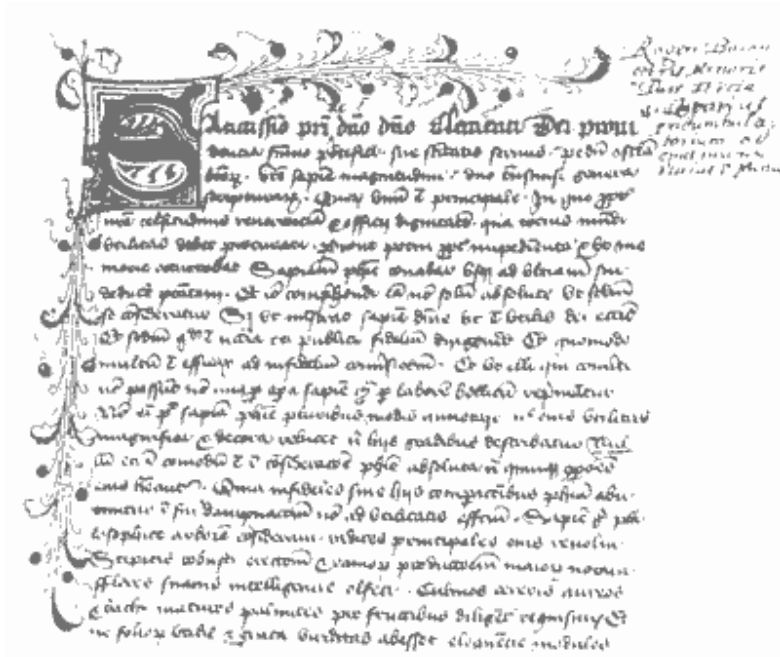
Я уже собирался поставить точку в этой истории, как из другой комнаты появилась уже одетая для выхода в театр Спутница.

"Посмотри, пожалуйста," - сказала она. "Цепочка на колье правильно застегнута? В этом твоём антикварном зеркале совершенно ничего нельзя рассмотреть при электрическом освещении. В следующий раз, когда будете вместе с Гариком опять выбирать что-нибудь мне в подарок на блошином рынке в Лондоне, постарайся напрячь фантазию и купить что-нибудь минимально полезное."

Я сделал вид, что занят чтением книги, лежащей на письменном столе, и не считаю нужным прерываться по такому незначительному поводу. Это было "Зеркало алхимии". "Нужно смешать одну часть эликсира с тысячей частей любой, находящейся поблизости, субстанции. Результат должен получиться через день, а может быть через час, а может и через мгновение, а когда точно - ведаёт только наш Господь," - писал Преподобный и Трижды Славный Брат Роджер Бэкон.

Роджер Бэкон (1214 - 1292)

Факсимиле иллюстрированной рукописи Р.Бэкона (XIV век)

Портрет Гибера, Европа 15-й век, Библиотека Лоренцо Медичи, Флоренция